

ЛОГИКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. О. ЛОССКОГО

Г. И. Малыгина

*кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии,
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
E-mail: malyhina@bsuir.by*

Исследуется взаимосвязь логической проблематики с эпистемологической и гносеологической в творчестве выдающегося русского философа и логика Н. О. Лосского. Оценивается вклад логико-философского наследия Н. О. Лосского в становление отечественной интеллектуальной традиции. Раскрывается смысл «новой гносеологической теории» или интуитивизма Н. О. Лосского. Обсуждаются актуальные логико-гносеологические и методологические проблемы о природе и формах знания, о взаимосвязи мыслительных и психических процессов сознания, о законах мышления, предмете логики, доказательствах и др.

Ключевые слова: логика, гносеология, эпистемология, «семантический треугольник», интуитивизм, психологизм, «гносеологическая координация».

LOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS IN THE WORK OF N.O. LOSSKY

G.I. Malyhina

*Head of Department of Philosophy,
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics
E-mail: malyhina@bsuir.by*

The paper addresses the relationship of logical problems to epistemological and gnoseological ones in the work of the outstanding Russian philosopher and logician N.O. Lossky. The contribution of the logical and philosophical heritage of N.O. Lossky in the formation of domestic intellectual tradition is assessed, as well as the meaning of the “new epistemological theory”, or intuitionism of N.O. Lossky. Current logical-epistemological and methodological problems are discussed regarding the nature and forms of knowledge, about the relationship of thought and mental processes of consciousness, about the laws of thinking, the subject of logic, evidence, etc.

Keywords: logic, epistemology, epistemology, “semantic triangle”, intuitionism, psychologism, “epistemological coordination”.

Возникновение и развитие логики как науки определялось и определяется двумя основными факторами. Во-первых, потребностями научно-теоретического познания как эпистемологического процесса порождения нового знания (в аспекте его структуры, форм представления, методологии, взаимосвязи с психикой, сознанием, процедур обоснования и др.). А во-вторых, той господствующей парадигмой философских знаний, которая выражает «духовную квинт-эссенцию эпохи» и выполняет миссию «живой души культуры» определенного исторического периода. Так, уже логика античности была тесно связана с развитием математики, а именно, с представлениями о доказательствах, об истоках математических утверждений и природе математической истины. Вводя доказательство в геометрию, Фалес выстраивает его как логическую процедуру и обнаруживает ряд методологических проблем. Оказывается, целый ряд логических проблем (строгости рассуждений, истинности, обоснованности и др.) не может быть

поставлен вне вопроса о доказательствах. В этом плане «Начала» Евклида, являющиеся образцом строгости и дедуктивного рассуждения, можно оценить не только как вершину античной математики и продукт обобщения геометрических знаний, но и как реализацию нормативно-методологических эпистемологических концепций Платона и Аристотеля. *Аксиоматический метод*, созданный в античности, является одним из важнейших методов построения современной логической теории. В недрах становления математической науки рождается *проблема определений* и их значения в любом типе научного творчества.

Если обратиться к главным теориям современной математической логики — фреге-рассе-ловской (как обобщению аристотелевской силлогистики) и интуиционистской (или конструктивной) логике, то и они органически связаны с основными программами в области философии математики — логицизмом и интуиционизмом.

В то же время логика развивалась в тесной связи с философией, исследуя мышление и рассуждения человека в рамках целостной философской картины мира. По этой причине, к примеру, логика Аристотеля, творца античного гештальта этой науки, тесно связана с его онтологией и учением о сущем. Закладывая фундамент своей силлогистики, основанной на родовых связях и отношениях, Аристотель выделяет *«первую сущность»*, как имманентное каждой конкретной вещи непосредственное индивидуальное бытие, и *«вторую сущность»*, фиксирующую не индивидуальное бытие, а бытие рода или вида. Стремясь систематизировать и нормировать многообразие научных рассуждений путем введения общих принципов организации знания, сам основатель логики различает *аналитический* (доказательный), *физический* (наглядно-описательный), *диалектический* (вероятностный, относящийся к сфере эристики) и *логический* (аргументированный) способы рассуждения. Таким образом, эпистемологическая проблематика, исследующая в первую очередь отношение «объект—знание», возникает раньше гносеологической (в центре которой «субъект-объектная» структура познания), в лоне античной философии. По этому поводу, фиксируя практическую значимость и механизм объективации логики в научно-теоретической и философской деятельности, известный историк науки, логики и философии А. Л. Субботин справедливо отмечает, что «...формальные схемы логики обретают реальную значимость и ценность лишь тогда, когда они касаются достаточно глубоких, категориальных пластов мышления и служат решению существенных интеллектуальных задач. А такие пласты не даны в непосредственном восприятии, их вскрывает и задает философия» [1, с. 395].

Тезис о взаимосвязи логики с проблемами теоретического познания в целом подтверждается всем ходом развития мировой науки и философии. Вступая в сложные и многогранные связи с различными сферами человеческой культуры, на протяжении более чем двухтысячелетнего развития логика отвечала на интеллектуальные запросы дискурсов античности, теологических споров Средневековья, науки Нового времени, новой эпистемологической стратегии неклассической науки и философии. Формирование опытного естествознания в XVI–XVII вв. кардинально изменило представление о месте и роли знания в общей картине мира и способствовало возникновению индуктивной логики и новых методов анализа индуктивных рассуждений (Ф. Бэкон, Дж. Ст. Милль), а в философии — постановке проблемы метода научного познания (Ф. Бэкон, Р. Декарт) и критериев истинности научного знания (эмпиризм и рационализм). Новоевропейская эпистемология эмансипирует субъекта и его познавательные возможности. На месте прошлых эпистемологических конструктов формируется гносеологическая концепция познания, раскрывающая философско-методологические представления о знании на основе субъектно-объектной структуры познавательного процесса.

Таким образом, вплоть до конца XIX в. логическая проблематика тесно переплеталась с эпистемологической и гносеологической, что подтверждается, например, достаточно простран-ным «Гносеологическим введением в логику» [2, с. 5–58], предваряющим саму работу «Логика» выдающегося русского философа Н. О. Лосского (1870–1965). В этом введении обсуждаются свойственные философской логике вопросы о взаимосвязи проблем гносеологии и ло-

гики, определяется логический статус элементов «семантического треугольника» (субъекта, объекта и знания). Стремясь оградить логику от субъективизма и психологизма, трактующих субъектно-объектную взаимосвязь в традициях сенсуалистической и позитивистской философии, Н. О. Лосский разграничивает психологию знания, основанную на непосредственном восприятии, гносеологию (теорию знания) и логику, изучающую формы доказательств: «психология знания изучает субъективную (индивидуально-психическую) сторону знания. Она исследует, во-первых, акты знания (внимание, различение, припоминание и т. п.) и, во-вторых, зависимость их от других, не познавательных психических процессов — от воли и чувств. Гносеология (теория знания) есть теория истины; она исследует объективную сторону знания и отношение ее к субъекту, с целью познать свойства истины (напр., отношение между истинным знанием и предметом, общеобязательность истины, вечность ее и т. п.) и условия возможности их. Наконец, логика есть теория строения объективной стороны доказательства» [2, с. 51–52]. Подчеркивая, что разграничение предметов психологии, гносеологии и логики основано на различении субъективной и объективной сторон знания, и полагая, что субъект и объект познания связаны «гносеологической координацией», дающей субъекту возможность непосредственно, «в подлиннике», наблюдать предмет путем интуиции, Н. О. Лосский называет созданную им «новую гносеологическую теорию ... интуитивизмом» [2, с. 10]. При этом, в силу широчайшей философской эрудиции и свойственной ему манере сравнительного анализа философских учений, отказа от крайностей и поиска синтеза (эмпиризма и реализма, например), свою философскую систему (интуитивизм) он считает преодолением гносеологических недостатков как эмпиризма (Локка и др.), так и критицизма Канта и его последователей, поскольку «интуитивизм вскрывает и устраняет ложную предпосылку разобщенности между познающим субъектом и познаваемым объектом, лежащую в основе теорий знания ... эмпиризма, докантианского рационализма и кантовского критицизма» [3, с. 326]. По мнению Н. О. Лосского, «отношение между субъектом сознания и предметом (объектом) эти три теории представляют глубоко различно: интуитивизм изображает его, как координацию (сочетанность) между субъектом и предметом; индивидуалистический эмпиризм предполагает субординацию (подчинение) субъекта предмету; наоборот, критицизм утверждает субординацию предмета (как явления) субъекту» [2, с. 47].

Становление неклассической науки на рубеже XIX–XX вв. сопровождалось критическим пересмотром многих представлений классической философии (о причинности, релятивности, линейности и др.) и возникновением множества направлений современной неклассической логики (многозначной, модальной, паранепротиворечивой, эпистемической, релевантной и др.).

К числу национальных школ, внесших свой вклад в развитие логики как науки целым рядом выдающихся имен и трудов, относится и русская школа. При этом, как отмечает сам Н. О. Лосский, «принимая во внимание, как недавно сравнительно начала развиваться русская философия, можно признать, что русские философы достаточно потрудились над проблемами логики. «Классификация выводов» Каринского содержит в себе подход к логике отношений и учение о несиллогических умозаключениях. «Логика как часть теории познания» А. И. Введенского может считаться классическим выражением системы логики в духе кантианского критицизма. «Логика» Н. Лосского содержит в себе теорию умозаключений в духе компрегенсивизма, сопоставленную с теориями экстенционализма» [4, с. 337]. В числе других значимых печатных достижений современной ему русской логической мысли Н. О. Лосский указывает на «Логiku отношений» С. И. Поварнина, «Гносеологические исследования» И. И. Лапшина, труды по символической логике П. С. Порецкого, «Воображаемую логику» Н. А. Васильева и др. Перечисленные труды и своего рода самооценка позволяют судить как о тематике логических исследований в России на рубеже XIX–XX вв., так и о «точках роста» отечественной логики данного периода.

В результате во второй половине XIX в. складывается профессиональное философствование на русском языке, осуществляются многочисленные переводы на русский язык классиков

мировой философской мысли, в числе которых переводы «Критики чистого разума» И. Канта, сделанные М. И. Владиславлевым и Н. О. Лосским, перевод с английского приват-доцентом Императорского Казанского университета В. Н. Ивановским «Системы логики» Дж. Ст. Милля [5] и др.

Выявление новых подходов к исследованию знания в современной эпистемологии, пересмотр традиционных представлений о рациональности и повышение интереса к различным когнитивным практикам предполагают бережное отношение и критическое переосмысление логико-философского наследия трудов наших выдающихся соотечественников, одним из которых был Николай Онуфриевич Лосский.

Литература

1. *Субботин А. Л.* Логика Пор-Рояля и ее место в истории логики // Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М.: Наука, 1991.
2. *Лосский Н. О.* Логика. С.-П.: Обелиск, 1923.
3. *Лосский Н. О.* Избранное. М.: Правда, 1991.
4. *Лосский Н. О.* Исследования по логике // История русской философии. М.: Прогресс, 1994.
5. *Милль Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной / пер. с англ. под ред. В. Н. Ивановского. 2-е изд. М.: Издание Г. А. Лемана, 1914.